

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ОТЕЛЬ С ТЕМНЫМИ
ОКНАМИ**

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художников *В. Щербакова, Г. Саукова*
Иллюстрация художника *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Отель с темными окнами / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-098455-8

На станции метро убит сын крупного чиновника. Убит цинично, старым воровским способом — шилом в спину. Полковник МВД Лев Гуров подозревает подругу убитого, Ларису, которая вытягивала деньги у доверчивого мажора и тратила их на любовника, законченного наркомана. Возможно, он и есть убийца? Но эта версия рассыпается после того, как на той же станции метро тем же способом убивают другого мужчину... Опыт подсказывает Гурову, что надо тщательно обследовать район, в котором совершаются преступления. Вскоре его внимание привлекает неприметная и очень подозрительная частная гостиница...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098455-8

© Макеев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Девушка из элитного борделя

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Пожалуй, никто так трепетно не относится к своим домашним питомцам, как собачники. Все остальные — кошатники, птичники, аквариумисты, любители грызунов и им подобные — с данным утверждением наверняка бы поспорили, но в девяти случаях из десяти спор бы этот проиграли. Считается, что всех остальных заводчиков живности собачники считают лентяями. А почему нет? Ни кошек, ни птичек, ни грызунов выгуливать не нужно, а этот аргумент потяжелее свинца. К тому же едят они меньше, меньше и места занимают. Они не требуют дрессировки, легко переживают одиночество, да и ответственность за их поступки хозяева несут лишь перед собой. Ну еще перед соседями.

Совсем другое дело у собачников. Завел питомца — будь добр, обеспечь ему достойное существование. Накорми, напои, шерсть расчеси да про подшерсток не забудь. Если выгуливать, так дважды в день, с намордником и на поводке. Заболел — срочно к ветеринару, а там осмотры, прививки, уколы и витамины. Без этого никуда — член семьи. И так изо дня в день, год за годом. Придерживаться такого строгого режима могут далеко не все, на это требуются и терпение, и выдержка, и отношение к жизни серьезное. Всеми этими качествами и обладают собачники. По большей части...

Ясное дело, встречаются и среди них чудаки. Почему чудаки? А кто еще своего пса в детские памперсы наряжать станет, чтобы он экскрементами двор не удобрял? Или юбочку на филейную часть напяливать, дабы окружающие не перепутали: у нас, мол, девочка, создание нежное. А еще любят некоторые в кукольную колясочку собачку посадить и ребятишкам отдать. Пусть, мол, дитё играет. Не коляска, так цирюльник начудит. Выстрижет по бокам звезды шестиконечные, краской угольной выкрасит,

а хозяин радуется. Особо активные на единственной собаке не останутся, им аудитория пошире нужна. Заведут штук пять, разных пород и возраста, и умиляются — ну точно как в многодетной семье!

И ведь ничего с этим не поделаешь. Кто запретит чудакам питомцев заводить? Ведь и они имеют право на свой кусочек счастья и бескорыстной любви. Так и живут: настоящей семьи не создали, вот собачьей и утешаются. И все бы ничего, если бы, как и в любви классической семье, искусственную собачью семью несчастья стороной обходили. Но ведь так не бывает, чтобы одним только радости, а другим — горе. Нападет на такую семью беда-кручина, тогда уж тараканы из головы чудака по-серьезному полезут. И начнет он округу потешать глупыми, необъяснимыми нормальному человеку выходками.

Вот такой вот чудака пасмурным весенним утром появился на границе между городскими строениями и парковой зоной Лосино-Острова. Первые солнечные лучи вяло пробивались сквозь густые кучевые облака, еще с ночи затянувшие небо, но так и не решившиеся разразиться дождем. Чудака — долговязый мужчина средних лет, подражая солнечным лучам, застыл в трех шагах от первых деревьев и переминался с ноги на ногу, точно не решаясь ни вперед двинуться, ни назад повернуть. Его нерешительность никак не сказалась на предусмотрительности: непромокаемый плащ от вероятного дождя он надеть не забыл, как и сменить легкие сандалеты на литые черные калоши.

Худая костлявая рука, торчащая, точно коряга из болота, из чересчур широкого рукава, едва удерживала на поводке собачью свору. Глаза чудака влажно блестели, свободной рукой он то и дело утирал набегающие на ресницы слезы. Свора, как и хозяин, имела вид весьма нестандартный. Рядом с лохматой помесью московской сторожевой и дворового пса Шарика соседствовал низкорослый пес породы бигль с торчащим кверху хвостом и висящими ушами. Биглю в хвост упирался молодой поджарый доберман, под ногами которого путался умильного вида самец породы чихуа-хуа.

В этой странной связке доберман находился ближе всех к чудаковатому хозяину. Он пытался занять главенствующее положение, нетерпеливо толкая бигля и постукивая лапой по ботинкам хозяина, но поводок, накрученный на руку чудака, возвращал его на место. Свободнее всех из своры чувствовал себя чихуа-хуа. Поводок

позволил бы ему убежать метров на пять вперед, но осторожный пес предпочитал оставаться под защитой добермана и здоровяка сторожевого.

У границы зеленых насаждений долговязый чужак стоял уже битый час. Солнце еще и не думало подниматься над горизонтом, когда он вышел из дома со своей разношерстной компанией и потащил ее к парковой зоне. Чего он ожидал? Умей собаки говорить — наверняка бы задали этот вопрос хозяину. Но разговорной речью братья меньшие не владели, а собачьего не понимал чужак. Неизвестно, сколько еще продлилось бы молчаливое стояние, если бы не случай. В паре метров от того места, где застыл мужчина, проходила автомобильная дорога, и из-под колес проходящего грузовика вдруг вылетел увесистый кусок щебня. Непонятно каким образом, но этот самый кусок описал крутую дугу и опустился на мощный зад сторожевой.

Для такой крупной собаки, как московская сторожевая, подобный удар — что слону дробина. Он и дернулся-то скорее от неожиданности, чем от боли. Но вот чихуа-хуа, в самый неподходящий момент высунув нос из укрытия и подсунув его прямоком под заднюю лапу сторожевой, получил удар такой силы, что его отбросило в сторону, точно теннисный мяч. Взвизгнув, пес пару секунд тряс своими тоненькими лапками, а потом подскочил и рванул вперед. На то, чтобы все пять метров поводка натянулись до предела, хватило четверти минуты. Натянувшись, он врезался в причинное место сторожевой, тот недовольно заворчал и понесся догонять своего мизерного друга. После этого сработала цепная реакция: за сторожевой поскакал доберман, за ним бигль, и все вместе они утянули за собой чужака-хозяина.

Метров пятьдесят вся свора, включая хозяина, бежала молча. Затем чихуа-хуа, врезавшись в шершавый пень, снова подал голос. Он оглянулся на хозяина и громко залаял, жалуясь тому на боль. Лай подхватил доберман, всегда готовый пошуметь и побегать. Бигль с минуту молча оценивал ситуацию, но в конце концов собачья солидарность взяла верх. Запрыгнув на тот самый пенек, который остановил процессию, он задрал голову и завыл. Чужак-хозяин, запутавшись в поводках, не устоял на ногах и рухнул на землю, в нескольких сантиметрах от пенька. Непромокаемый плащ распахнулся, и оттуда вывалилась плоская коробка из-под конфет. Хозяин ахнул и выбросил правую руку вперед в надежде поймать коробку, но сделал только хуже. Крышка с коробки сле-

тела, ее содержимое вывалилось на землю, едва прикрытую молодой травой, и он в отчаянии выкрикнул:

— Я так и знал, так и знал! Будто мало того, что лишились мы лучшей частички нашей дружной компании, так еще и это! Из любовно приготовленного погребального одеяния, да на грязную жесткую землю! Ох, беда ты беда. Верно люди говорят, одна ты не ходишь. И за что же всем нам такое испытание?

Доберман положил свои лапы хозяину на плечи и громко и заливисто залаял. Ситуация его явно забавляла. Бигль и чихуа крутились возле ног хозяина, то подвывая, то повизгивая. В акте всеобщей истерии не принимал участия лишь сторожевой пес по кличке Леопольд. Он уселся на траву возле опустевшей коробки и терпеливо ждал, когда можно будет идти домой. А хозяин-чужак уходить не спешил. Немного успокоившись, уперся ладонями в колени и уставился в одну точку перед собой. При этом взгляд его вовсе не был отрешенным, напротив, он обрел осмысленность.

— Ты молодец, Леопольд, — похвалил сторожевую хозяйин. — Не отчаялся, не запаниковал. Так и должно быть, так и должно. Ведь, в сущности, для того мы сюда и шли, верно? Оглянись вокруг, Леопольд. Видишь, как здесь красиво. Быть может, все это произошло для того, чтобы мы нашли его? Это место. Что скажешь?

Леопольд тряхнул головой и облизнулся.

— Вот и я говорю, пора заняться делом. Лопатку-то я не выронил, а это главное. Сейчас с местом определимся, могилку выкопаем и будем прощаться. Ты уж только держись, Леопольд. Я понимаю, тебе с ним прощаться тяжелее всего будет, ну, да куда от этого денешься? Любил ты его, поди? Любил, я знаю. Ну, хочешь, я вам еще немного времени дам, чтобы ты его в последний путь проводил? Хочешь?

Леопольд покосился на хозяина, широко зевнул и, положив голову на передние лапы, прикрыл глаза.

— Значит, не хочешь прощаться? Что ж, понимаю. Должно быть, это тяжело, провожать в последний путь друга, с которым ты с самого рождения. — Глаза чудака вновь увлажнились. — Это ничего, что сил у тебя на прощание нет. Я за тебя попрошаюсь. И могилку в самом красивом месте выкопаю, и речь надгробную скажу. Не сомневайся, я-то знаю, как похороны устраивать.

С этими словами чужак вытянул вперед руку и... подняв с земли пушистый хвост московской сторожевой, любовно уложил его в коробку. Затем оглядел деревья возле пенька, отстегнул от брюч-

ного ремня небольшой садовый совок, отступил в сторону и принялся копать. Острый клинок легко входил в землю, сухая земля, давно не встречавшаяся с дождем, ссыпалась с металлического полотна, закрывая короткие ростки сорной травы.

— Наверное, глубоко копать не будем, как думаешь, Леопольд? Лишь настолько, чтобы хулиганы не отрыли. Нехорошо это, когда останки, преданные земле, наружу вытаскивают, верно, Леопольд?

Пес повел ухом, но глаз не открыл. Чудак сочувственно покачал головой и продолжил копать.

— До сих пор не пойму, как это тебя угораздило под заслонку подлезть? Ведь сколько раз мы это обсуждали. Тебе вообще в гараже делать было нечего, но ты настаивал, и я пустил. Что из этого вышло, сам знаешь. Нам еще повезло, что под удар попал хвост. А если бы лапа, что тогда? Хромал бы всю жизнь? Ох, Леопольд, Леопольд, слушаться хозяина надо.

Выкопав яму глубиной с полметра, он поднялся с колен, отошел в сторону, оглядел результат своего труда и, недовольно поморщившись, вернулся к яме.

— Нет, Леопольд, для твоего друга мы изготовим могилку поглубже. Углубим, да и ширишь увеличить не помешает. Коробка должна войти целиком, как считаешь, Леопольд?

Задав вопрос, мужчина оглянулся на сторожевую. И вдруг увидел, как бигль, до этого беспокойно бегавший вокруг коробки с хвостом, кинулся вперед, ухватил хвост зубами и помчался что есть мочи в глубь парка. От такой наглости чудак дар речи потерял. Раскрыв рот, он провожал бигля ошеломленным взглядом. Затем подскочил с колен и заорал:

— Леопольд! Тревога!

Слово это сторожевой оказалось знакомо. Последний звук стихнуть не успел, а Леопольд уже мчался напролом через кусты и подлесок. За ним, не желая оставаться вне общей игры, бросился доберман. И только чихуа испуганно прижался к шершавому пню, жалобно пискнул и напустил лужу.

— Борг, прекращай это! — прикрикнул на него чудак. — Идем, мы должны найти Гошу и отобрать у него друга Леопольда.

Борг поплелся за хозяином, который двинулся на лай добермана, доносившийся из зарослей чубушника. Идти оказалось недалеко, видимо, в планы бигля Гоши побег не входил, и он успел пробежать не более пятидесяти метров. Дойдя до кустарника,

чужак увидел странную картину: Леопольд застыл в паре метров от кустарника в боевой стойке. Шерсть его встала дыбом, пасть ощерилась, а из глотки исходило угрожающее рычание. Здесь же, чуть в стороне, пристроился бигль, вид у него был такой же агрессивный, как у Леопольда. Доберман же то уносился в глубь кустарника, то возвращался назад и при этом неистово лаял.

— Что происходит, Леопольд? — настороженно спросил чужак. — И что это с Даксом? Дакс, ко мне! Прекрати гоняться, ты пугаешь Гошу!

Услышав свою кличку, доберман выскочил из кустов и бросился к нему. Подскакивая на месте чуть не на метр, он принялся кружиться, зазывая хозяина в кусты. Потом подбежал к нему вплотную, забросил передние лапы на плечи и начал яростно облизывать щеки и нос.

— Ладно, Дакс, твоя взяла. Пойдем, покажешь, что вас так возбудило, — проговорил чужак, с трудом утихомирив добермана.

Пес словно только этого и ждал: проскользнул в узкий прогал между кустами и застыл в ожидании хозяина. Тот, опасливо глядя под ноги, протиснулся следом. Взгляд его уперся в потертый клетчатый чемодан, лежавший на траве лицевой стороной вверх, точно раскрытая книга. Металлическая «молния» золотистого цвета тускло блестела, крупная красно-синяя клетка на фоне травы выглядела неуместно, даже как-то дико. Из боковой стенки торчала массивная ручка с пластиковой отделкой, а под ней аккуратные колесики в три ряда.

— Ну и зачем вы меня сюда притащили? — с явным облегчением вздохнул мужчина. Он ожидал увидеть в кустах нечто ужасное, а получил всего лишь старый, никому не нужный чемодан. — Забот мне больше нет, как только хлам по парку собирать! Лучше бы показали, куда Гоша усопшего унес.

Он развернулся, чтобы уйти, но доберман перепрыгнул через чемодан и вцепился в его штанину, удерживая на месте.

— В чем дело, Дакс? — Поведение добермана начинало раздражать обычно терпеливого хозяина, но, взглянув в беспокойные глаза пса, он сдержался. — Ладно, ладно, хочешь, чтобы я забрал этот чертов чемодан с собой? Я это сделаю. Устрою тебе из него отдельную конуру. А что, идея неплохая. Может, полностью конура из него и не получится, но вот крыша будет замечательная. И не промокнет, верно, Дакс? Давай-ка сложим его так, чтобы было удобно нести.

Доберман понял, что добился своего, и выпустил штанину. Чудак сделал три шага вперед, ухватился за ручку и потянул чемодан на себя. Клетчатая ткань поползла вниз, обнажая то, что лежало под ней. Сначала показалась копна русых, с заметной рыжиной, волос. Затем прикрытые этими волосами голые плечи, изящные женские руки... и только тогда до чудака дошло, что смотрит он на обнаженный труп молодой девушки. Осознав, что произошло, мужчина выпустил из рук ручку чемодана и отпрянул назад.

— Дакс! Что вы натворили! — только и смог выдавить он.

Доберман снова подскочил к хозяину и ткнулся носом в мигм вспотевшую ладонь, выпрашивая награду, но тот и не подумал искать по карманам лакомство, вместо этого достал сотовый телефон и набрал номер Службы спасения.

На Петровку сообщение о трупе, найденном в парке Лосиный Остров, поступило с задержкой в два рабочих дня. Изначально, как и требовали общие правила, дело поступило в районный отдел полиции, в ведомстве которого находились парковая зона и прилегающий к ней жилой массив. Оттуда и опергруппу с криминалистами высылали, и свидетеля там опрашивали. Но потом кто-то что-то сказал, кто-то где-то подсуетился, и вот уже в Главк летят вездесущие журналисты, а Интернет пестрит громкими заголовками, и общественность волнуется, и вопросы неудобные задает: как так, чуть ли не в центре столицы, в месте семейного отдыха, и такое творится? Как власти могли допустить подобное?

И от журналистов уже не избавиться, будут досаждают высоким чинам, пока материал красивый не получат. А чинам оно надо? Вот они и рапортуют перед камерами: происшествие взято на особый контроль, будьте уверены, поисками преступника займутся лучшие оперативники Москвы. Обещание, данное журналистам, выполняется неукоснительно. Приказ спускается сверху, передаваемый от чина к чину, пока не доходит до последней инстанции. В деле, с легкой руки журналистов известном общественности как «Дело девушки в чемодане», последним звеном в цепочке стал кабинет старшего оперуполномоченного Московского уголовного розыска, полковника Гурова Льва Ивановича. Тот, в свою очередь, попытался сплавить его сотрудникам рангом пониже, да не вышло. Его непосредственный начальник, а по совместительству давний друг, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов не позволил. Он, видите ли, уже доложил наверх, что поручил дело не

кому-нибудь, а легендарному Гурову. Не станет же он от своих слов отказываться?

Пришлось тому засучить рукава и взяться за расследование заведомо проигрышного дела. В качестве утешения генерал позволил распоряжаться личным составом отдела на усмотрение Гурова, и это в какой-то степени примирило полковника с решением генерала. Исключением стал полковник Крячко, на его задействие было наложено категорическое и бесповоротное вето. И дело здесь вовсе не в особом расположении генерала к Стасу Крячко, второму после Гурова специалисту в области поиска и поимки особо опасных преступников, а скорее, наоборот, это являлось наказанием.

Не сказать, чтобы Крячко этим фактом был расстроен, ни один здравомыслящий опер не станет переживать из-за того, что его отстранили от поисков преступника, когда запах «висяка» не просто витал в воздухе, а буквально в стены кабинета впитался, но самолюбие его все же было задето.

А причина решения генерала была вполне заурядна. На полковнике вот уже два месяца висело расследование, по которому вышестоящие инстанции просто жаждали получить результат. Всякий раз на планерке в кабинете генерала, как только речь заходила об этом расследовании, Крячко «задвигал» пламенную речь, типа «приложим усилия», «привлечем дополнительные ресурсы», «активизируем и подтянем» и так далее, и тому подобное. Слушать историю про «активизацию» надоело не только генералу, но и всему личному составу, вынужденному терпеть еженедельную экзекуцию. Но Крячко все тянул и тянул, надеясь, что рано или поздно проблема рассосется и можно будет сдать дело в архив.

Генерал же считал, что при должном усердии дело, порученное Крячко, можно завершить за три дня. Вот почему он отстранил Стаса от всех текущих дел, чтобы нечем было прикрываться, и заявил: либо в трехдневный срок получаешь результаты, либо жди серьезных санкций. И шпильку подпустил, что товарища, мол, подводит, Гуров теперь вынужден помощью «желторотиков» довольствоваться, вместо того чтобы с матерым опером безнадежное дело раскрывать. Крячко замечание не понравилось, уж очень он не любил, когда его совестили за счет друзей. На это генерал и рассчитывал: посидит Крячко, подуется, а потом включит «думалку» и принесет готовый результат генералу на блюде.

Новым заданием Гурова «осчастливили» после полудня, сообщив, что исходные данные тот может получить в районном отде-

ле у капитана Трушина. Льву пару раз приходилось пересекаться с Трушиным по работе, поэтому он имел представление, чего от него ожидать: неплохой опер, парень башковитый, не лишенный сыскной чуйки, но с ленцой, как только появлялась возможность увильнуть от работы, он эту возможность не упускал. Тем не менее встречи с ним было не избежать, поэтому первым делом Гуров отправился в районный отдел, чтобы успеть застать капитана на месте.

Трушин встретил полковника радостной улыбкой. Еще бы ему не улыбаться, от стольких проблем разом избавляется! Пожав протянутую руку, он выложил на стол папку и, хлопнув по ней ладонью для пушей убедительности, заявил:

— Здесь все. Полистайте, ознакомьтесь. Возникнут вопросы, готов ответить.

Гуров взял папку в руки, раскрыл. Внутри лежали три листа, исписанные мелким убористым почерком.

— У вас в отделе электричество экономят или к компьютеру особый допуск? — пошутил Лев.

— Да не в том дело, — замялся Трушин. — На компьютере набирать — в кабинете сидеть нужно, а от руки на месте составил, и готово дело. Все равно ведь «висяк».

— Так вот с ходу, за два дня, и определили?

— Двух часов хватило, — махнул рукой Трушин. — Вы почитайте отчет, товарищ полковник. Уверен, ваше мнение совпадет с моим.

Гуров пробежал глазами текст, исходные данные действительно оптимизма не внушали. Труп девушки был обнаружен около семи часов утра. К тому времени она была мертва от шести до двенадцати часов, то есть смерть наступила не ранее семи часов предыдущего вечера и не позднее часа ночи. Следы борьбы на теле отсутствовали, как и следы грязи. Одежды, как и украшений, на теле не было. И никаких, абсолютно никаких особых примет. Ни татуировок, ни родинок причудливой формы, ни шрамов. Чемодан, которым прикрыли тело, оказался классическим представителем дорожной галантереи. Такие огромными партиями изготавливает добрая сотня текстильных предприятий, и в продаже они имеются чуть ли не в каждом магазине, торгующем подобным товаром.

В папке имелся отчет о проделанной работе. Стандартная процедура идентификации по отпечаткам пальцев результата не дала. Убитая в базе не числилась, значит, к уголовному миру не принад-